

На правах рукописи

Таирова Ирина Александровна

Восточные традиции в творческом восприятии
И. А. Бунина

Специальность 10.01.01 — Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

10 ИЮН 2010

Москва — 2010

**Работа выполнена в Институте мировой литературы
им. А. М. Горького РАН в Отделе новейшей русской литературы
и литературы русского зарубежья**

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Морозов Сергей Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Минералова Ирина Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент
Дмитриевская Лидия Николаевна

Ведущая организация:
ГОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

Защита диссертации состоится «25» июня 2010 года на заседании диссертационного совета Д 212.154.15 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, ауд. ___ в 14:00.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, ауд. ____.

Автореферат разослан « 24 » мая 2010 года

Учёный секретарь
диссертационного совета

В. К. Сигов

Общая характеристика работы

В России о Востоке впервые заговорили художественным языком в XV веке (А. Никитин¹). Во второй половине XIX в. в России стало появляться много переводов (с европейских языков) индийской, арабской, китайской и других восточных литератур, издавались многочисленными тиражами буддийские тексты, Коран, религиозные труды и другие книги Востока. Однако к культуре восточных стран и к ментальности людей Востока на протяжении многих веков относились как к экзотике, которой восхищались. И в странах Европы знания о традициях Востока преломлялись через европейский взгляд на «неевропейскую» — чуждую, непонятную культуру. Совершенно по-особому интересовался неевропейскими культурами И. А. Бунин.

Актуальность настоящего исследования. Сегодня можно слышать мнение о И. А. Бунине как о «последователе Будды»², «передающем его идеи и доносящем благородные истины до всех “братьев” в реальной жизни»³ (Т. Г. Марулло). Писателя называют «главным “мусульманином” русской поэзии»⁴ (В. Прусаков). Однако, при ближайшем рассмотрении, выясняется, что подобные высказывания свидетельствуют о недостаточном знакомстве с биографическими материалами, идеями творчества, религиозно-философскими предпочтениями писателя — не изучая которые, невозможно до конца проникнуть в произведения И. А. Бунина о Востоке.

Таким образом, восточная тема в творчестве И. А. Бунина, по нашему мнению, изучена недостаточно. Не охвачен весь спектр произведений восточной тематики, недостаточно изучены вопросы мировоззрения, отношения И. А. Бунина к различным религиям и философским системам Востока, остаются не понятыми многие слова, выражения, образы в «восточных» произведениях И. А. Бунина.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые произведения И. А. Бунина «восточной» тематики предстают в целостности литературоведческого и лингвистического анализа при особом внимании к религиозной символике, религиозной терминологии (И. А. Бунин пользовался приёмом транслитерации с тех или иных восточных языков). Это позволяет глубже проникнуть в подлинное знание писателем тех традиций, которые обнаруживают себя в его поэтическом и прозаическом творчестве.

Впервые в диссертации затрагивается вся восточная тематика в произведениях И. А. Бунина (легенды, мифы, притчи, сказки, сказания и т. п.) и анализируется при помощи подробного рассмотрения и объяснения значений

¹ «Хождение за три моря» Афанасия Никитина / Подг. текста М. Д. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье; пер. Л. С. Семёнова, коммент. Л. С. Лурье и Л. С. Семёнова // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М.: Худ. лит., 1982. — С. 444—477, 655—663 (комм.).

² Марулло Т. Г. «Если ты встретишь Будду...»: Заметки о прозе И. Бунина / Пер. с англ.; Под ред. Е. К. Созиной. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. — С. 16.

³ Там же. — С. 49.

⁴ Прусаков В. Иван Бунин — главный «мусульманин» русской поэзии // Литературная газета. — 2005. — № 9 — С. 11.

слов, взятых из восточных языков, которые он намеренно использовал в своих художественных текстах, их места и роли в произведениях писателя. Это религиозные понятия; имена божеств; слова, обозначающие предметы того или иного культа, географические названия, имеющие символический смысл. Ещё при жизни И. А. Бунина ставился вопрос о необходимости пояснения этих слов (К. Р.⁵).

В исследовании используется историко-культурный научный материал по религиям и религиозным традициям Востока, а также канонические тексты: Сутта-Нипата, Ригведа, Библия, Коран и другие.

Данная тема исследуется на материале поэзии, прозы, публицистики И. А. Бунина; кроме того, привлекаются дневники, письма, материалы книг и статей о нём и его творчестве современников писателя и других исследователей.

Степень научной разработанности проблемы. Изучение творчества И. А. Бунина у нас в стране начинается с момента возвращения на родину наследия писателя (1950-е гг.).

Непосредственно теме «*Бунин и Восток*» была посвящена статья О. В. Сливицкой⁶, в которой впервые в научном мире говорилось о наличии в произведениях И. А. Бунина реминисценций из Библии, Нового и Ветхого Заветов, Корана, Талмуда, санскритских сутр, элементов египетской и греческой мифологии.

Одним из первых специальное внимание арабскому Востоку в поэзии и прозе И. А. Бунина уделил П. И. Тартаковский⁷. Он сделал важный вывод: «арабским циклом» стихотворений поэт сделал Восток «своим» и тем приблизил его к русским людям. М. Л. Мирза-Авакян⁸ усмотрела в поэзии И. А. Бунина раздумья о путях мировой культуры, о причинах гибели великих цивилизаций. Но оба исследователя только слегка касаются смысловой стороны арабо-мусульманской тематики, указывая на реминисценции из Корана, но подробно их не рассматривая.

Арабская тема в стихотворении И. А. Бунина «Сатана Богу» весьма подробно проанализирована В. Е. Светом⁹.

Ряд буниноведов строит свои исследования на сопоставлениях поэзии Бунина с «восточным» творчеством других русских поэтов (А. А. Дякина¹⁰,

⁵ К. Р. Критические отзывы. — Пг., 1915. — С. 284—310.

⁶ Сливицкая О. В. Бунин и Восток (к постановке вопроса) // Материалы межвузовской научной конференции, посвященной творчеству И. А. Бунина. Елец, октябрь 1969. — Воронеж, 1971. — С. 87—96.

⁷ Тартаковский П. И. Поэзия Бунина и арабский Восток // Народы Азии и Африки. — 1971. — № 1. — С. 106—121; Он же. Русские поэты и Восток: Бунин, Хлебников, Есенин: Статьи. — Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1986. — 254 с.

⁸ Мирза-Авакян М. Работа И. А. Бунина над темой Востока // Творчество писателя и литературный процесс. — Иваново, 1981. — С. 216—227.

⁹ Свет В. Сопоставительный анализ стихотворения И. Бунина «Сатана Богу» и древневосточного памятника // Сравнительное изучение национальных литератур: Сборник научных трудов / Ред. Е. С. Бернштейн. — Ташкент, 1986. — С. 27—34.

¹⁰ Дякина А. А. Мотив пути в поэзии И. А. Бунина и А. А. Блока // Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX—начала XX века. — М., 1991. — С. 130—141.

Двинятина Т. М.¹¹), отмечая отличное от других, собственное видение И. А. Буниным Востока. Некоторые исследователи рассматривают влияние Л. Н. Толстого на творчество И.А. Бунина (Е. Р. Пономарёв¹²).

Тему Востока в творчестве И. А. Бунина в 2000-е годы рассматривали также В. П. Проходова¹³, В. В. Крапивин¹⁴, Ю. Б. Шаршова¹⁵, Ю. Г. Иншакова¹⁶. Постепенно в буниноведении сложилось особое направление исследования *ориентального интереса писателя* (В. Е. Свет¹⁷, Г. Ю. Карпенко¹⁸, Г. В. Килганова¹⁹, О. С. Чебоненко²⁰ и другие).

В диссертации Е. Б. Смольяниновой «Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина» (СПб, 2007) отмечается двойственное отношение Бунина к буддизму. И. А. Бунин постигал буддийское вероучение, однако соглашался не со всеми его положениями, создавая собственную концепцию бытия мира и человека.

Научный интерес к творчеству И. А. Бунина за рубежом проявился также в 1950-х годах. *Философско-эстетическую проблематику* бунинских произведений, в том числе «восточных», изучали: Дж. Б. Вудворд²¹, Д. И. Ричардс²² и другие. И в «восточных» произведениях писателя исследовали в основном буддийские мотивы. Оттого они упрощали многомерный контекст произведений И. А. Бунина.

Изучение художественного мира И. А. Бунина на современном этапе началось и на Востоке. В 1990 г. в Кувейте вышла книга арабской исследовательницы творчества русских писателей Макарим аль-Гамри «Исламско-арабские мотивы в русской литературе»²³ (на арабском языке), седьмая глава которой содержит анализ стихотворений с указаниями точных

¹¹ Двинятина Т. М. Поэзия Ивана Бунина и акмеизм: Сопоставительный анализ поэтических систем: Дис. ... канд. филол. наук. — СПб, 1999. — 187 с.

¹² Пономарёв Е. Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождения Толстого» // Русская литература. — 1998. — № 1. — С. 109—118; *Он же*. Отзывы современников о книге И. А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. — 1995. — № 4. — С. 168—171.

¹³ Проходова В. П. Мусульманский Восток в лирике И. Бунина // Русский язык и литература в казахской школе. — 2003. — № 6 — С. 44—48.

¹⁴ Крапивин В. Между Синаем и Цейлоном: Восток в прозе Ивана Бунина // Литературная учёба. — М., 2000. — № 5—6. — С. 145—169.

¹⁵ Проходова В. П., Шаршова Ю. Б. Восток в творческом сознании Бунина: (к постановке проблемы) // Жас ғалымдардын шығармашылығы — Шығыс Қазақстанға: Творчество молодых учёных — Восточному Казахстану: Материалы конф. — Усть-Каменогорск: Изд. ВКГУ, 2003. — Ч. 1. — С. 216—220.

¹⁶ Иншакова Ю. Г. Жанровая система поэзии И. А. Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. — Елец, 2005. — 281 с.

¹⁷ Свет В. Сопоставительный анализ стихотворения И. Бунина «Сатана Богу» и древневосточного памятника // Сравнительное изучение национальных литератур: Сборник научных трудов / Ред. Е. С. Бернштейн. — Ташкент, 1986. — С. 27—34.

¹⁸ Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина в контексте религиозно-философских и антропологических идей конца XIX — начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 1992. — 213 с.

¹⁹ Килганова Г. В. Ориентализм в прозе И. А. Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. — М, 1996. — 199 с.

²⁰ Чебоненко О. С. Восток в художественном сознании И. А. Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004. — 217 с.

²¹ Woodward J. Eros and Nirvana in the Art of Bunin // The modern language Review. — Birmingham, 1970. — Vol. 65, № 3. — P. 576—586.

²² Richards D.J. Memory and time past: A theme in the works of Ivan Bunin // Forum for mod. lang. Studies. — 1971. — Vol. 7, № 2. — P. 158—169.

²³ Аль-Гамри Макарим. Исламско-арабские мотивы в русской литературе. — Кувейт, 1990. — 255 с.

аятов Корана, использованных И. А. Буниным в эпитафиях. Макарим аль-Гамри выявляет на некоторые неточности, допущенные, по её мнению, И. А. Буниным. Её труд ценен тем, что содержит переводы стихотворений Бунина на арабский язык. В диссертации используются цитаты из её работы в нашем переводе.

Уникальна в своём роде книга кандидата филологических наук, доцента Тегеранского университета Марзие Яхьяпур — «Иван Бунин и мир Востока» (Тегеран, 2007 — на персидском языке)²⁴. В ней отмечаются использованные поэтом коранические аяты, называются мусульманские обряды, трактуемые И. А. Буниным в стихотворениях мусульманской тематики и в рассказе «Смерть пророка». Но при этом термины и образы, взятые Буниным из Корана, подробно не объясняются.

Имена авторов, названий работ восточных исследователей, а также указанных в них произведений И. А. Бунина, его героев, и слова, использованные поэтом из других языков, приводятся на русском языке.

Объектом диссертационной работы являются все художественные произведения Бунина, содержащие смыслы, символику и понятия из восточных религий и мифологии (египетской, халдейской, индуизма, буддизма, зороастризма, ислама), а также другие слова из восточных языков (арабского, персидского, турецкого, санскрита): древние названия восточных городов, имена, предметы быта, одежда.

В настоящем исследовании «Востоком» называются местоположение тех стран, которые не всегда и не вполне соответствуют географическому направлению стороны света, противоположной западу, по своим особым миром отличаются от стран Европы. Такое определение впервые возникло в Римской империи. В России принято считать Востоком культурные области Передней, Южной и Восточной Азии и отчасти Африки.

Под восточными традициями подразумевается история, культура и быт древних народов Востока, основу мировоззрения которых составляла та или иная религия или мифология. Таким образом, мы обращаем внимание на интерес И. А. Бунина к шумеро-аккадской и египетской мифологиям, индуизму, буддизму, зороастризму, исламу. Исключение составляют христианские направления религиозной мысли Востока, которые мы намеренно не рассматриваем. Христианскую тематику в творчестве И. А. Бунина широко исследовали С. Л. Андреева²⁵, В. Д. Агафонова²⁶. На наш взгляд, эта тема требует отдельного рассмотрения. Тем более что христианство на протяжении многих веков является религией не только некоторых восточных народов, но и всего западного мира, и является одной из самых главных основ русской

²⁴ Яхьяпур Марзие. Иван Бунин и мир Востока. — Тегеран: Тегеранский университет, 2007. — 225 с.

²⁵ Андреева С. Л. Библийские реминисценции как фактор текстообразования: на материале произведений И. А. Бунина «Тень птицы»: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998. — 243 с.

²⁶ Агафонова В. Д. Библийско-христианская проблематика в творчестве И. А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 28 с.

культурной истории, к которой имел прямое отношение И. А. Бунин.

Предметом диссертации являются восточные религиозно-культурные традиции в стихотворениях и прозе И. А. Бунина.

Цель диссертации: целостное исследование восточных традиций в творческом восприятии И. А. Бунина; определение аспектов восточных религий, которые затрагивает писатель в своих произведениях, осмысление широты и точности их использования в поэзии и прозе И. А. Бунина.

Цель исследования определила поставленные **задачи**:

— выяснить истоки и причины, побудившие И. А. Бунина обратиться в своём творчестве к миру Востока;

— изучить маршруты путешествий И. А. Бунина по Востоку, установить, какое влияние они оказали на мировоззрение поэта в целом;

— исследовать темы, мотивы, образы Востока в стихотворениях И. А. Бунина 1903—1922 гг., определить их роль и значение в творчестве и мироощущении поэта;

— прояснить смысл «восточных» терминов, встречающихся в произведениях И. А. Бунина;

— исследовать буддийскую тематику, имеющую место в поэтических и прозаических текстах И. А. Бунина;

— выявить мотивы, идеи, темы мифологии Шумера и Аккада, индуизма, Древнего Египта, Ирана, затронутых И. А. Буниным в его поэзии и прозе.

Теоретической и методологической основой диссертационной работы стали труды по литературоведению (А. К. Бабореко, О. Н. Михайлов, Г. М. Блаасова, В. Е. Свет, Э. О. Денисова, И. Г. Минералова, Ю. И. Минералов; Ю. В. Мальцев и многие другие); востоковедению: работы отечественных арабистов конца XIX—начала XX вв. (В. В. Бартольд, А. Е. Крымский, И. Ю. Крачковский, И. М. Фильштинский) и современных (М. Б. Пиотровский, А. Б. Куделин, Е. А. Резван); исследования буддологов XIX—начала XX в. (П. В. Васильев, И. П. Минаев, С.Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, О. О. Розенберг; Э. Конзе) и современных (М. Е. Ермаков; А. Арвон); труды по шумеро-аккадской мифологии (Крамер С. Н., Афанасьева В. К.); по египетской мифологии (Матье М. Э., Коростовцев М. А.); труды по индуизму (П. А. Гринцер, Р. К. Нарайан, В. Г. Эрман); религиям Ирана (И. П. Петрушевский, И. С. Брагинский).

В диссертации использованы труды по истории (Н. Г. Устрялов, Л. Н. Гумилёв, а также современный историк, исследовавший различные аспекты арабо-мусульманской цивилизации — Р. Г. Лаида), отечественной и зарубежной философии (В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин; О. Шпенглер, Р. Генов).

Исходя из цели и поставленных задач в диссертации применены следующие **методы исследования**: культурно-исторический, сравнительно-

типологический, структурно-семантический, биографический, хронологический; элементы контекстуального и текстологического анализа текста.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. И. А. Бунин испытывал огромный интерес к культуре Востока — эстетический, научный и философско-мировоззренческий.

2. Через реалии Востока И. А. Бунин передавал своё собственное восприятие мира. Синтезируя опыт религиозных культур народов Востока, сопоставляя их ответы на «вечные вопросы», он находил истины, свойственные всему человечеству.

3. И. А. Бунин не является ориентальным писателем. Для него Восток не был экзотикой, он изучал его на всех уровнях (литературном, историческом, религиозном, бытовом). Он путешествовал по Востоку, пытался прочувствовать его: людей, природу, архитектуру.

4. В своих произведениях И. А. Бунин использовал слова из восточных языков (арабского, персидского, турецкого), передавая их как можно более точное звучание с помощью приёма транслитерации.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что материал диссертации может быть использован при чтении общих и специальных курсов лекций по истории русской литературы (как метрополии, так и эмигрантской), по мировой культуре, религиоведению, философии, истории. Отдельные положения диссертации могут применяться на занятиях по религиоведению. Данная диссертационная работа может быть полезна в дальнейшем исследовании творческого пути И. А. Бунина; восприятия русской литературой особенностей восточных культур; в подготовке полного собрания сочинений писателя.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в девяти научных статьях, в том числе одной публикации, рекомендованной по списку ВАК. Основные положения докладывались на двенадцати научных конференциях (2005—2007 гг.).

Главы диссертации обсуждались на заседании Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН им. А. М. Горького.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, Библиографии (285 наименований) и Приложения. Последовательность глав обусловлена хронологией путешествий писателя, поэтому Вторая глава посвящена мусульманской тематике, Третья — буддийской, а Четвёртая — иным религиозным культурам Востока, с которыми писатель был знаком по книжным источникам. Сюда же включены произведения египетской тематики по причине их немногочисленности в творчестве И. А. Бунина. Объём основного текста составляет 169 страниц, Список использованной литературы — 25 страниц, Приложение — 19 страниц.

Содержание работы

Во Введении даётся обоснование темы; определены цели, задачи, объект и предмет диссертационной работы; отмечена научная новизна диссертации, определены теоретическое и практическое значение исследовательской работы; дан обзор критической литературы, посвящённой произведениям И. А. Бунина на тему Востока.

Первая глава «Бунинское “погружение” в Восток». В первом параграфе «Причины и истоки интереса И. А. Бунина к Востоку» исследуется зарождение интереса Бунина к восточным странам и древним восточным цивилизациям; раскрываются причины его широкой осведомлённости и точности информации о религиях, религиозных культах, быте и нравах восточных людей.

Движению Бунина на Восток во многом способствовало время, в котором жил и творил писатель. Тогда множество людей интересовались историей, религиями и культурой восточных стран. Этот интерес в основном был порождён кризисом, охватившим на рубеже веков и философию, и религию, и эстетику, и политику, как в России, так и в Европе. По Бунину, кризис мировоззрения, кризис ценностей был вызван, в первую очередь, безверием, отсюда увлечение творческой интеллигенцией религиями Востока.

Первый воспитатель И. А. Бунина, студент Лазаревского Института восточных языков Н. О. Ромашков, читал будущему писателю журнал «Всемирный путешественник», книгу «Земля и люди», рассказывал о своей скитальческой жизни. Это общение предвосхитило не только увлечение Бунина Востоком, но и жажду путешествий по разным странам.

Благодаря общению с художником В. П. Куровским (1869—1915), хранителем Одесского музея, И. А. Бунин узнал о некоторых индуско-буддийских верованиях. С В.П. Куровским они совершили (первое для Бунина) путешествие по Германии, Швейцарии и Франции.

Огромное влияние на мировоззрение писателя оказал Л. Н. Толстой. Беседы и переписка с Л. Н. Толстым были духовной пищей для И. А. Бунина. Его роднило с Л.Н. Толстым постоянное размышление о смерти. «Это живой и радостный возврат из земного, временного, пространственного в неземное, вечное, беспредельное» («Освобождение Толстого») ²⁷ — так виделась Толстому смерть, и так представляется И. А. Бунину сам писатель и философ — запредельным, непостижимым и одновременно очень близким и простым. И. А. Бунин писал Л. Н. Толстому: «Вы один из тех людей, слова которых возвышают душу и делают слёзы даже высокими, и у которых хочется в минуту горя заплакать и горячо поцеловать руку, как у родного отца!» ²⁸.

Как интерес к миру древнего и загадочного Дальнего Востока, так и мечта побывать в Индии и на Цейлоне, возникли у И. А. Бунина, возможно, под

²⁷ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Худ. лит., 1988. — Т. 6. — С. 140.

²⁸ Бунин И. А. Письма 1885—1904 гг. / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Подгот. текстов и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 218.

влиянием ещё одного его современника и друга — А. П. Чехова, посетившего тропики на обратном пути с Сахалина.

В процессе формирования «восточного» мироощущения немалую роль сыграли книги, прочитанные И. А. Буниным о Востоке. Из писем писателя известно, что об исламе, мире арабской культуры он читал: Коран в переводе К. Николаева²⁹, «Тезкират» Саади; о религии и культурах Индии и Китая: книги А. А. Олесницкого³⁰, Г. К. Ш. Масперо³¹, Б. Беккера³², П. Лоти³³, С. С. Голоушева³⁴, П. А. Каленова³⁵, Э. Арнольда³⁶; отрывки из Упанишад, древние буддийские канонические книги; а также переводы научных трудов М. Мюллера, Г. Ольденберга, И. П. Минаева, В. П. Васильева, С. Ф. Ольденбурга.

И. А. Бунина отличало от предшественников и современников своеобразные взгляды на Восток, особенное его понимание. Писатель сам пояснил свои влечения к Востоку: это «жажда жить <...> не только своим настоящим, но и <...> тысячами чужих жизней, <...> современным мне и прошлым, всей историей всего человечества со всеми странами его»³⁷. В беседе с корреспондентом «Одесского листка» (2 марта 1910) он сказал: «Я вообще люблю Восток и восточную религию»³⁸.

Огромное значение в постижении культурного мира Востока для И. А. Бунина имели путешествия. Во втором параграфе «Маршруты путешествий И. А. Бунина по Востоку и их отражение в письмах, дневниках и художественных текстах» осмыслен материал о путешествиях И. А. Бунина по Востоку и их отражение в творчестве писателя.

Три поездки в восточные страны оставили огромный след в душе поэта и в его творчестве: в 1903 г. путешествие в Турцию, в 1907 — по странам арабского Востока (Турция, Египет, Сирия, Палестина, Джибути, Алжир, Тунис, Ливан, Судан); в 1910—1911 гг. — на Цейлон. Не осуществились поездки в Индию и Японию (по причине болезней и нехватки средств).

После поездки в Турцию в 1903 г. И. А. Бунин создаёт стихотворения о мире арабо-мусульманской культуры. Путешествие 1907 г. послужило материалом к созданию цикла рассказов «Тень птицы» (1907—1911).

²⁹ Коран Магомета, переведённый с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии, Казимирским: С примеч. и жизнеописанием Магомета / Пер. с франц. К. Николаева. — М.: К. Шапов, 1864 (переиздано 1865, 1876, 1880, 1901, 1998 — репринтное издание 1876 г., 2001). — 468 с.

³⁰ Олесницкий А. А. Святая земля: Отчёт о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны: 1873—1874. — Т. 1. — Киев: Киев. тип. В. Давиденко, 1875. — 558 с. — Переиздано в 1878 г.

³¹ Масперо Г. К. Ш. Древняя история народов Востока / Пер. с 6-го франц. изд. — М.: К. Т. Солдатенков, 1895. — 714 с. — Переизд. в 1903, 1911.

³² Скорее всего, была следующая работа: Bekker B. Aanmerkinge op de handelingen der twee laatste Noordhollandsche Synoden, in de sake van B. Bekker, ten opsigte van sijn boek genaamd De Betoverde weereld... — S. l. : s. t., [1692]. — 16 с.

³³ Лоти П. Собрание сочинений: В 12 т. — М.: В.М. Саблин, 1909—1911.

³⁴ Глаголь С. [Голоушев С. С.] ...На юг: Из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим, Венецию: С 40 ил. — М.: И. Кнебель, 1900. — 222 с.

³⁵ Каленов П. А. Будда: Поэма; Философские статьи: Реф., чит. в Психол. общ.-ве. — М., 1885, 1902. — 237 с. — Переиздана в 1914, 1915 гг.

³⁶ Арнольд Э. Свет Азии / Пер. в стихах А. М. Фёдорова; Предисл. Э. Арнольда. — М., 1895. — 192 с.

³⁷ Литературное наследство. — Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. — М.: Наука, 1973. — Кн. 1. — С. 386.

³⁸ Там же. — С. 363.

Путешествие 1910—1911 гг. на Цейлон отразилось не только в путевых дневниках, которые И. А. Бунин вёл во время трёхнедельного плавания по Индийскому океану, но и в художественных текстах («В стране прашуров», 1911, «Воды многие», 1911—1926, «Город Царя Царей», 1924, «Братья», 1914, «Готами», 1919 и др.; в стихотворениях: «В рощах Урвелы», 1926; «Нет колеса божественней на свете...», 1916; «Святилище», 1916; «Отлив», 1916; «Богиня», 1916, и др.).

Больше по Востоку он не путешествовал, за исключением нескольких поездок в Турцию. Именно через неё в феврале 1920 г. лежал путь И. А. Бунина в эмиграцию.

В двух параграфах второй главы «Восприятие И. А. Буниным культуры арабского Востока» исследуются стихотворения И. А. Бунина арабской тематики.

Первый параграф «Использование арабских мотивов в цикле «Ислам»» посвящён девятнадцати стихотворениям из раздела «Ислам» в III т. собрания сочинений писателя (СПб.: Знание, 1906).

В 1902—1909 гг. в издательстве «Знание» вышло первое собрание сочинений И. А. Бунина. В третьем томе «Стихотворения 1903—1906г.» (СПб, 1906) отдельный раздел под названием «Ислам» состоял из девятнадцати стихотворений, связанных с притчами и сентенциями Корана, с легендами арабского Востока: «Путеводные знаки» (1903—1906) «Пастухи» (1905), «Мираж» (1903), «Чёрный камень Каабы» (1903—1905), «Мудрым» (1903—1906), «Зелёный стяг» (1903—1906), «Священный прах» (1903—1906), «За измену» (1903—1905), «Авраам» (1903—1906), «Ночь Аль-Кафра» (1903), «Сатана — Богу» (1903—1906), «Джинны» (1903—1906); «Зейнаб» (1903—1906), «Склон гор» (1903—1904), «Белые крылья» (1903—1906), «Гробница Сафии» (1903—1905), «Тэмджид» (1905), «Птица» (1903—1906), «Тайна» (1905).

В последующих изданиях эта последовательность не сохранилась. А стихотворения подвергались неоднократным изменениям. При следующих переизданиях поэт всё более решительно их сжимает, сокращает, отсекая строфы (например, в стихотворении «Склон гор» сняты четыре строки), изменяет или вовсе удаляет эпиграфы, меняет названия.

Для И. А. Бунина в этих произведениях важен более всего смысл, основанный на реминисценциях из Корана. Его талант проявился в уникальной краткости высказывания, а также в умении несколькими лаконичными штрихами передать суть ислама.

В процессе подробного анализа стихотворений выяснилось, что И. А. Бунин употребил в них мусульманские термины (стараясь передать русскому читателю их звучание): «Элиф. Лам. Мим», «Джиннат», «Аллах», «сакар», «ирам» (арабское «ихрам»), «хамсин», «баранта», «Аль-Кадр», «муэzzин», «Кааба» и многие другие. Одни из этих слов и лексических элементов

повторялись в разных произведениях с тем же значением; другие (коранические имена) заменялись эквивалентными им в Библии: вместо *Джибрил* — *Гавриил*; *Ибрагим* — *Авраам* и т. д.

Скрытая тема смерти обнаруживается также в стихотворении «Птица», раскрывается через кораническое понятие *таир* («птица», «судьба»). С помощью лексико-семантического анализа делается вывод, что эта «тайна» смерти так и не разгадана человеком. Она и «тайный знак», и «судьба», послужила темой другого стихотворения — «Тайна».

С целью подробного анализа данных стихотворений изучены мусульманские легенды, истории, притчи («*аль-исра' ва-ль-мирадже*», «*хиджра*», легенда о мятежном Иблисе, отказавшемся выполнить приказание Бога — поклонить колени перед Адамом и т. д.). Это позволило сделать вывод, что на материале легенд из Корана, восточных притч И. А. Бунин пишет о тоске по идеалу, страхе смерти, счастье творчества и других волнующих его темах.

Анализ девятнадцати стихотворений цикла «Ислам» позволил сделать интересные наблюдения над тем, как тонко поэт включал слова из других языков в музыку русской речи. Все арабо-мусульманские термины органично выглядят в русском стихотворении, не являясь чем-то посторонним, экзотичным, ориентальным.

Во втором параграфе «Тематика "арабского" Востока в стихотворениях И. А. Бунина 1905—1916 гг.» проведён анализ стихотворений: «К Востоку» (1903—1906), «Айя-София» (1903—1906), «Хая Баш» (1905), «И скрип и визг под бухтой наводнённой...» (1906), «Караван» (1908), «Луна ещё прозрачна и бледна...» (1906), «Магомет в изгнании» (1906), «Огромный, красный старый пароход...» (1906), «Закон» (1906—1907), «Каир» (1906—1907), «Мекам» (1906—1907), «Розы Шираза» (1906—1907), «Напутствие» (1906—1908), «Пилигрим» (1906—1910), «Гермон» (1907), «Дия» (1907), «Ниший» (1907), «Тут покоится хан, покоровший несметные страны...» (1907), «Чалма на мудром — как луна...» (1907), «Щебечут пестрокрылые чеканки...» (1907), «Бедуин» (1908), «Имру-уль-Кайс» (1908), «Люцифер» (1908), «Могилы в скалах» (1909), «Рассвет» (1909), «Завеса» (1912), «Потомки Пророка» (1912), «Шипит и не встаёт верблюд...» (1912), «Магомет и Сафия» (1914), «В арабской деревне» (1915), «Война» (1915), «Лик прекрасный и бескровный...» (1915), «Пустыня в тусклом жарком свете...» (1915), «Стамбул» (1915), «Малайская песня» (1916), «У нубийских чёрных хижин...» (1915).

Побывав в арабских странах, писатель восхищается простотой и искренностью восточных людей. В стихотворениях на тему арабо-мусульманского Востока он с точностью воссоздаёт образ современных ему арабов, а также интересуется судьбами людей прошлого: пророками, святыми, поэтами, воинами, султанами и ханами. Для И. А. Бунина святы их гробницы.

Но главная мысль поэта о том, что всё в мире тленно, и лишь память способна сделать людей и всё, что с ними связано, бессмертными.

Интересно И. А. Бунин описывает старинные восточные города, восхищаясь их расцветом и размышляя о причинах упадка цивилизаций, строивших их или некогда владевших ими (Стамбул, Каир, Дамаск). Иначе И. А. Бунин говорит о священном и легендарном мусульманском городе в Саудовской Аравии — Мекке, являющейся духовным центром ислама. Это произведение состоит из двух переплетённых между собой тем: религиозной и творческой. Для отображения своей любви к поэзии, тоски по литературному творчеству И. А. Бунин избрал образ верующего, мечтающего о паломничестве, о приближении к божеству. Подобно желанию мусульманина увидеть Мекку, лирический герой И. А. Бунина также страстно жаждет томительно-сладостной муки творчества, достижения своей внутренней Мекки, таланта, поэзии. Оттого название стихотворения (Мекам) в переводе с персидского языка звучит: «Моя Мекка». Таким образом, мы видим, как на материале мусульманского Востока И. А. Бунину удаётся наиболее точно выразить что-то личное, в данном случае, весь свой комплекс чувств и мыслей о любви к творчеству, к искусству.

С целью выявления лексико-семантических компонентов, терминов, понятий, взятых И. А. Буниным из Корана. Чтобы показать широту видения и постижения на разных уровнях поэтом арабского Востока, всю арабо-мусульманскую терминологию, а также слова, символизирующие Восток, имеющиеся в тексте названных произведений, мы условно разделили на следующие группы: «природа арабского Востока»; «люди мусульманского мира» (выделены подгруппы: «современные арабы», «представители ушедших поколений», «пророк и его жёны»), «литературные памятники Востока», «культура ислама, его атрибуты», «мусульманские населённые пункты».

Как и в цикле «Ислам», в данных произведениях содержатся арабо-мусульманские понятия, переданные поэтом с помощью приёма транслитерации: *изан* (равно *азан*), *ирем*, *муэzzин*, *мекам*, *хамсин*, *хаджи*, *бурнус*, *тюרבэ*. Все они (за исключением «бурнус» — белого арабского платья с капюшоном) в тех же значениях встречались в цикле «Ислам», однако стало этих понятий значительно меньше. Больше всего в текстах стихотворений содержатся устоявшиеся в русской (и западной) литературе символы и образы Востока, которым И. А. Бунин помимо широко известных значений придаёт свои.

Третья глава — «Идеи буддизма и их воплощение в поэзии и прозе И. А. Бунина». Первый параграф «Восприятие исследователями буддийской тематики в творчестве И. А. Бунина». По мнению многих буниноведов, писатель достаточно хорошо изучил буддизм и нашёл много созвучного в нём своим собственным мыслям. Из черновых записей И. А. Бунина известно, что он читал книгу Фасяня (у Бунина Фа-Съян) «Записки о буддийских царствах: рассказ китайского монаха Фасяня о его путешествиях по

Индии и Цейлону (319—414 гг. н. э.)»³⁹, был знаком с собранием ранних текстов палийского канона буддизма («Сутта-Нипата»⁴⁰). По утверждению П. Л. Вячеславова, при работе над произведением «Город Царя Царей», И. А. Бунин пользовался книгой К. Гюнтера «Цейлон» (Пг. 1914)⁴¹.

Некоторые исследователи (В. Александрович, Т. Марулло, Ким Кен Тэ) причисляют И. А. Бунина к последователям буддизма. Так, американский русист Т. Г. Марулло в переведённой на русский язык монографии «"Если ты встретишь Будду..."»: Заметки о прозе И. А. Бунина» (2000) находит буддийские элементы даже в самых, что ни на есть, «русских» произведениях И. А. Бунина («Деревня», «Суходол»). И делает не совсем корректный, на наш взгляд, вывод, что И. А. Бунин был «последователем Гаутама»⁴². Выявляя основной смысл этих произведений, мы доказываем обратное.

О проникновении буддийской тематики в художественный мир И. А. Бунина свидетельствуют **«Буддийские мотивы, образы и символика в художественном мире И. А. Бунина»**, представленный во втором параграфе.

Невозможно точно определить, когда И. А. Бунин впервые начал отражать своё знание доктрины Буддизма в художественных произведениях. В ранних рассказах упоминаются лишь некоторые слова (*Будда*, *майя*), отсылающие нас к буддизму («На даче», 1895; «Тишина», 1901; «Туман», 1901).

Как таковая буддийская тема появляется в произведениях, написанных после 1911 г., то есть после путешествия И. А. Бунина на Цейлон.

В рассказе «Соотечественник» (1916) отдельные элементы буддийской культуры видятся герою И. А. Бунина, Зотову, похожими на свои, родные, русские. И хотя Зотов находит внешнее сходство Цейлона с Россией, буддизм в его понимании — что-то ужасное, возникшее в результате появления арийцев в Индостане и, собственно, по словам героя, породивших это учение. Тема Цейлона неоднократно переосмысливалась автором в рассказе «Отто Штейн» (1916).

В путевом дневнике «Воды многие» (1911—1926) упоминаются: священное «дерево Бодхи», под которым наступило просветление Будды; «ключица Будды» как одна из самых священных реликвий буддизма; «дагобы» (буддийские храмы), «упозады» (святилища) и многие другие слова, относящиеся к культуре буддизма.

Два старинных города, Перадения и Канди (Кэнди у Бунина), изображены в рассказе «В стране прашуров» (1911). Последний интересен своим Храмом Зуба, в котором И. А. Бунин во время своего путешествия стал свидетелем

³⁹Legge J. Record of Buddistic Kingdoms being in account by the Chinese Monk Fa-hien of his travels in India and Ceylon. — Oxford: Clarendon press, 1886. — 123 p.; *Литературное наследство*. — Т. 84: Иван Бунин; Кн. 2. / Под ред. Шербины В. Р. и др. — М.: Наука, 1973. — С. 97.

⁴⁰*Сутта-Нипата*. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведённая с языка пали на англ. язык доктором Фаусбеллем / Русский перевод и предисловие Н.И. Герасимова. — М.: Издание Товарищества А.А. Левинсона, 1899. — С. 136.

⁴¹Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Худ. лит., 1988. — Т. 4. — С. 681.

⁴²Марулло Т. Указ. соч. С. 248.

некоторых обрядов буддистов. В письме к брату от 19—20 (6—7) марта 1911 года он рассказывает, что был допущен в «святая святых» — то место храма, где хранился зуб Будды, и от жрца получил в подарок «пальмовую дощечку», на которой написаны правила нравственного поведения буддиста⁴³.

Самое яркое выражение буддистская тематика получила в рассказе «Братья» (1914). Данный рассказ весь пронизан буддийской символикой: Цейлон (место действия); эпитафия из древнего буддийского канонического текста — Сутты Нипаты; имена: Будда, Возвышенный, Ананда — ученик Будды, Мара — демон-искуситель; некоторые понятия буддизма: «все-единое», «личность», «желание» (видимо, взяты Буниным из Сутты Нипаты). Мы заметили в рассказе своеобразную цифровую символику. Например, эпитет Будды — Возвышенный — И. А. Бунин упоминает в тексте шесть раз. Может быть, это было и не осознано писателем, тем не менее, шестёрка в Буддизме весьма значима. Бодхисатве, существу, стремящемуся к просветлению, желающему стать Буддой, предписано руководствоваться шестью парадитами, нравственно-духовными качествами. В буддизме считается, что до Гаутамы уже существовали будды, и их было шесть. Из буддийских легенд известно, что Синдхартха, предаваясь аскетизму на берегу реки Найранджаны, пребывал в глубоком сосредоточении шесть лет.

Ключевым моментом в рассказе является буддийская концепция желаний. Говоря о «желании», писатель показывает цепь последствий, приводящих к страданию, упадку сил главного героя, потере им самого себя. С вопросом желаний напрямую связана буддийская доктрина личности («я», «эго»), о которой, упоминая об учении Будды, говорит в рассказе «англичанин».

После путешествия на Цейлон И. А. Бунин пишет сразу несколько произведений. В стихотворениях «Цейлон. Гора Алагалла» (1915), «Цейлон» (1916) поэт обращает внимание не только на причудливую природу, но на древнее происхождение острова, на нынешнюю отдалённость его от суетности современного мира. Цейлон он называет земным раем.

Буддийская образность и символика чётко прослеживается в стихотворении «Нет колеса на свете...» (1916). Помимо образа «колеса» в стихотворении упоминаются: «повозка», ассоциирующаяся буддистами с материальным телом; «лошади», означающие эмоции; «возница», символизирующая интеллект; «хозяин» — высшее начало в человеке.

Два символа буддизма («роща Урвель» и «Майя») используются в стихотворении «В рощах Урвелы» (1916). Словосочетание «уру вела» поэт пишет в одно слово («Урвела») — для большей выразительности и удобства в русском произношении. Это знаменитая роща Джетавана. Там, по индийскому преданию, на Будду снизошло озарение. Возможно, во многом благодаря

⁴³ Бунин И. А. *Письма 1905—1919 гг.* / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Отв. ред. С. Н. Морозов; Подгот. текстов и коммент. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — С. 172—173.

участию майи в духовном развитии Будды. Слово «майя», с одной стороны — означает иллюзию (в буддизме считается, что весь мир иллюзорен, истинно только духовное начало), с другой, это имя матери Будды. Такая игра значений, многозначность образов, весьма характерна для индийской поэтической культуры, и поэт использует эту многозначность образа.

Буддийская тема находит место и в творчестве И. А. Бунина эмигрантского периода. Категории буддизма, символика и образность содержатся в произведениях: «Ночь отречения» (1921), «В ночном море» (1923), «Освобождение Толстого» (1937), «Жизнь Арсеньева» (1927—1929, 1933).

В рассказе «Ночь отречения» нами рассматриваются концепт желания, Мара — змей-искуситель и символика выражения «земная весна».

Герой рассказа, «человек», «ученик» пытается превозмочь желания, влияние Мары, которого он видит во вздымающихся волнах в виде змеиных колец.

Согласимся с мнением китайского исследователя Ким Кен Тэ, что данные слова автора напоминают речь Христа, слова-предсказания об отречении его последователя, апостола Петра⁴⁴. В этом проглядывает стремление И. А. Бунина найти общее в религиозных культурах Востока и Запада.

В выражении «земная весна» соединены два символа буддийской традиции: «земля», воплощающая в себе всё сущее этого мира, и «весна» — слово, связанное в буддизме с символикой зелёного цвета. По буддийской традиции, зелёный цвет означает «то, что обладает смыслом»⁴⁵.

Особое место в ряду произведений буддийской тематики занимает трактат «Освобождение Толстого». В великом писателе И. А. Бунин находил черты, присущие ему самому: постижение прошлого, интерес к Востоку, обострённое восприятие мира в целом. Информацию о взглядах Толстого на смысл жизни и высшую мудрость И. А. Бунин почерпнул из дневника любимого писателя. На примере Л. Н. Толстого автор трактата показывает, как буддийская тема может служить объяснением сложных воззрений такого масштаба человека, как Л. Н. Толстой, на смысл человеческого бытия и ответы на многие другие философские вопросы. Для объяснения фигуры Л. Н. Толстого писатель прибегает большей частью к буддийской терминологии: «Путь Выступления и Путь Возврата», понятие «Я», «личность», размышления о страдании и так далее.

Буддийской тематикой пронизан роман «Жизнь Арсеньева», в котором художественно преобразованы и окончательно переосмыслены многие события из жизни самого И. А. Бунина (этот материал хорошо изучен многими отечественными и зарубежными исследователями).

⁴⁴ Ким Кен Тэ. Буддийские мотивы в прозе И. А. Бунина // Вестник СПбГУ — СПб., 1997. — Сер. 2. История языкознания. Литературоведение, вып. 2, № 9. — С. 103.

⁴⁵ Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М.: АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Миклуко-Маклая, 1988. — С. 166.

Мифы и легенды, герои и образы, символы и другие аспекты восточных религиозно-мифологических систем в поэзии И. А. Бунина стали объектом исследования в четвёртой главе диссертации — «Отражение в поэтическом мире И. А. Бунина религиозно-мифологических систем Шумера и Аккада, Древнего Египта, Индии, Ирана».

Первый параграф — «Герои шумеро-аккадских мифов в стихотворениях И. А. Бунина "Потоп" (1905) и "Истара" (1906—1907)» — посвящён отражению мифологической системы народов Междуречья в поэзии И. А. Бунина.

В стихотворении «Потоп» поэт использует миф о потопе по версии халдейской мифологии.

Потоп описывается поэтом как воинственное наступление богов на мир людей. Бунин упоминает основных халдейских богов, соответствующих шумеро-аккадскому пантеону: *Роману* — бог молнии и грома; *Нэбо* и *Сару* — боги вихря и урагана; *Нергал* — бог ветра, а также злой бог войны; *Нинип* — бог водных пространств, а также *Гении*, *Анну*, *Истар*. Используются названия древних городов Междуречья — *Касисадр*, *Сиппара*.

Стихотворение построено таким образом, что о потопе мы узнаём от лица-участника этого события. Это *Ксисутрос* — царь города *Касисадра*. По версии Бероса, Ксисутрису о предстоящем потопе сообщает бог Кронос. Он наказывает Ксисутрису перед потопом переписать названия всех вещей и закопать эту перепись в «городе солнца» Сиппаре для того, чтобы после потопа знания о всех вещах были переданы людям.

Каждому городу по вавилонским космогоническим воззрениям соответствует определённое созвездие, Сиппару — созвездие рака, а «рак» — символ возвращения назад, к прошлому. Потому, видимо, после потопа именно Сиппаре предстоит возродить прежние знания.

По халдейскому мифу, потоп представлял весьма страшное зрелище, что даже, как динамично сказано в стихотворении, «Сами боги / К вершинам Анну в страхе поднялись». Среди них Истара, богиня войны и любви, которая, по стихотворению И. А. Бунина, громко плакала из-за происходящего события. По окончании потопа Ксисутрос вместе с супругой поселяется на острове блаженных Тильмун. В награду за праведную жизнь боги даровали ему бессмертие. Таким образом, в бунинском стихотворении художественно воссозданный халдейский миф о потопе служит ещё одним размышлением поэта о жизни, смерти и бессмертии.

Целиком стихотворение И. А. Бунина посвящает богине Истаре («Истара»), культ которой начал развиваться в Шумере и Аккаде с середины третьего тысячелетия. В вавилонской мифологии она стала воплощать в себе сразу множество богинь: шумерскую Инанну, аккадскую Иштар, ассирово-вавилонскую Астарту и многих других. В стихотворении И. А. Бунина

отражены черты всех этих богинь. Со временем культ богини Истары будет заимствован финикийцами, персами, египтянами. Видимо, эта всемирная распространённость богини и привлекла И. А. Бунина в выборе героини произведения. Таким образом, здесь мы тоже наблюдаем своеобразный синтез культур, через который поэт пытался донести до читателя мысль о всеединой основе человечества.

Во втором параграфе «Преломление сюжетов древне-египетской мифологии в поэтическом творчестве И. А. Бунина» рассматриваются стихотворения египетской тематики.

И. А. Бунин дважды был в Египте: в 1907 г. и с 24 декабря 1910 (6 января 1911 — по новому стилю) по 12 (25) февраля 1911 г. Благодаря увиденному и прочувствованному он мог писать не только на темы египетской мифологии («Стон», 1903—1905; «За гробом», 1906), но и о том, что его взволновало в современной ему жизни Египта.

Тема национальной независимости звучит в стихотворении «Каир», 1906—1907. И. А. Бунин, стремящийся не затрагивать в поэзии политические, социальные вопросы, тем не менее, в этом стихотворении намскает на несправедливость, на неуместное присутствие на Востоке английской армии. Природа, первобытная красота восточных людей у Бунина ярко контрастирует с холодностью европейцев.

Тема исчезнувших цивилизаций и утраченных идеалов древности является основной в стихотворении «Ра-Озирис, владыка дня и света...», 1905). В стихотворении «Александр в Египте» (1906—1907) мотивы войны, разрушения («Александр в Египте», 1906—1907).

О путешествии в Египет написано стихотворение «В жарком золоте заката...» (1915), изобилующее восточными именами, географическими названиями и, что интересно, символикой, присущей обычным восточным вещам, в которых поэт видел свои символы Востока: лук и колчан, щит из кожи бегемота, дротик, мех пантеры, суданская кольчуга.

Исследуемые стихотворения содержат имена древнеегипетских божеств, названия городов, рек, целых религиозных ритуалов, а также предметов религиозного культа. Это боги: *Ра, Озирис, Сет, Мемнон, Ястреб-Гор, Шакал-Анубис*; священные символы: «*синий лотос*», «*озеро Мериды*»; города *Гизех, Фивы* и многое другое.

Но среди данных стихотворений есть и такие, в которых нет никаких символов, имён божеств из египетской мифологии, например, стихотворение «Надпись на чаше» (1903). В нём только образы-архетипы: «море», «солнце», «небо», «земля», «красота». Основной акцент в стихотворении поэт делает на египетских представлениях о взаимосвязи жизни и смерти, незримо связанных между собой. Душа, по мнению египтян, содержится в сердце — месте «незримой связи». Потому сердце было единственным органом, который оставляли в мумифицированном теле, чтобы в него могла вернуться душа.

Все стихотворения египетской тематики объединены одной основной мыслью поэта — о непостоянстве жизни и о бессмертии человеческой души.

Особенности индийской культуры, отражённые в поэзии И. А. Бунина, рассматриваются в третьем параграфе «Религиозная символика индуизма в стихотворениях 1903—1911 гг.».

Мотив старости и тема смерти звучат в стихотворениях «Судра» (1903—1905) и «Агни» (1903—1906). Для воплощения замысла стихотворения «Судра» наиболее точным показался поэту образ судры — представителя низшего сословия в Древней Индии. Как он донашивает одежды после мертвеца, так автору представляется его старость, скорбящая о старине. И. А. Бунин подытоживает, что как бы достойно человек не распорядился своей жизнью, так или иначе он обречён «влачить одежды мертвеца», то есть смертен.

В стихотворении «Агни» кратко и лаконично, как требует того стихотворный жанр, описывается индийский погребальный обряд от лица умершего. Бунин интересуется основными моментами, связанные с путём души человека по индийским поверьям. Поэт через лирического героя пытается прочувствовать всё это.

Ключевым моментом стихотворения является индийское божество огня. То он тот, с которым под пение специальных гимнов обходят погребальный костёр, то тот, что «гудит», предвещая, что скоро перенесёт усопшего в мир иной, подальше от тьмы, олицетворяющей земную жизнь. И, наконец, огонь, возрождающий душу на том свете.

В результате анализа «Агни», мы пришли к выводу, что этим стихотворением Бунин показывает, что не страшна смерть, когда есть какое-либо возвышенное понимание этого процесса, как, например, у индусов. Поэт возвышается над ней, описывая смерть как шаг к следующему витку жизни, к вечности. Получается, что смертный человек, на самом деле, по наивысшей задумке, по божественному закону — бессмертен. И в данном случае, помощник человеку в этом, в обретении бессмертия — огонь, божество Агни.

С темой души связано стихотворение «Ночлег» (1911). В нём, как и в стихотворении «Птица» мусульманской тематики имеется образ птицы. Только теперь он связан не с понятием «судьба», а — «душа», для которой мир является ночным приютом (отсюда название стихотворения). Мысль об этом почерпнута поэтом из мифологии индуизма (о чём говорит браминский эпиграф). Главное, что в конце своего земного пути душа человека возвращается на родину — в лоно Бога, Всеединого, Брами-Атмана, а значит, она бессмертна.

Четвёртый параграф «Черты зороастрийской картины мира на примере стихотворений «Эльбурс» (1905) и «Ормузд» (1903—1905)» посвящён стихотворениям И. А. Бунина, отражающим тематику зороастрийского периода культуры Ирана.

Основная идея стихотворения «Эльбурс», в основе которого лежит иранский миф, заключается в том, что древняя гора Эльбурс — святое место, где творятся чудеса. Горы и всё пространство вокруг них, горизонтальное и вертикальное, у древних иранцев были поделены на области обитания богов, духов, людей. Древние иранцы верили, что вершина гор упирается в небо, в недосыгаемый мир божеств, управляемый верховным богом Ахурамаздой. По мифу, хранителем закона и порядка, установленного Ахурамаздой для всех существ и явлений, выступает Митра, чьи владения располагаются в поднебесной вышине. Это место, где отсутствует тьма, холод, зной, болезни. Вершина горы, покрытая льдами, соприкасается с миром изатов — добрых духов, помощников верховного бога. Ниже — территория человечества.

Главное чудо заключается в действиях Митры. По мифу, с восходом солнца он на своей повозке первым взлетает ввысь и обходит свои владения. Бунин уточняет, что Митре молится вся земля. Имеется в виду, что это божество совместно с подчинёнными ему богами, облетая все стороны света в разных направлениях, следит за соблюдением мирового порядка. Нарушителей закона ждёт карательная стрела, или копьё, или удар булавы. В страхе перед этим мир людей, богов, вся вселенная соблюдает установленный порядок Ахурамазды. Таким образом, гора Эльбурс становится символом мироздания, оберегаемого зороастрийскими богами.

В стихотворении «Ормузд» основное место занимает образ верховного божества *Ормузда* (это греческая форма имени верховного божества зороастрийцев Ахурамазды) и бога огня *Датара*. По поверьям зороастрийцев, огонь — часть всех элементов мироздания, в том числе человека. Но мир тёмный в своих проявлениях. И чтобы тьма до конца не поглотила его, следует молиться светлоте божеству. Для этого древние иранцы старались поддерживать горение огня в специальных храмах и днём, и ночью.

В стихотворении Бунина тема огня находит своё развитие. Огонь ассоциируется не только с божественным светом, но и со светом человеческой души, который также следует поддерживать, чтобы он не погас.

В Заключении подводятся основные итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения влияния восточных культур на художественное восприятие И. А. Бунина.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. *Таирова И. А. Иранская мифология в поэзии И. А. Бунина // Гуманитарные исследования. — Астрахань, 2010. — № 1 (33). — С. 196—200. (0,4 п. л.)*

2. *Таирова И. А. (Таварацян И. А.). Тайна смерти в «арабском цикле» И. А. Бунина // Диалог культур: русско-татарские связи. Мат. научно-практич. семинара Всерос. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VI Кирилло-Мефодиевских чтений. — Москва-Ярославль: Ремдер, 2005. — С. 72—79. (0,4 п. л.)*

3. *Таирова И. А. (Таварацян И. А.). Знаки памяти «величия Вселенной» в поэзии И. А. Бунина // Текст: проблемы перспективы. Аспекты изучения в целях препод. рус. яз. как иностр.: Мат. IV Междунар. научно-практич. конф. (МГУ им. М. В. Ломоносова, филолог. факультет, 22—24 ноября 2007 г.). — М.: МАКС Пресс, 2007. — С. 347—349. (0,1 п. л.)*

4. *Таирова И. А. (Таварацян И. А.). Зелёное знамя жизни: Бунин и ислам // Русская литература XX века: восприятие, анализ и интерпретация худ. текста: Мат. X Виноградовских чтений: 15—17 ноября 2007 г. — М.: МГПУ, 2007. — С. 67—70. (0,2 п. л.)*

5. *Таирова И. А. Кааба И. А. Бунина (по мотивам стихотворения «Мекам») // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX—XX вв. — Белгород: Изд. БелГУ, 2009. — Вып. 5. — С. 110—115. (0,2 п. л.)*

6. *Таирова И. А. Колесо бессмертия в «мусульманском» стихотворении И. А. Бунина // Литература в диалоге культур—5: Мат. междунар. науч. конф. — Ростов н / Д.: НМЦ «Логос», 2007. — С. 219—220. (0,2 п. л.)*

7. *Таирова И. А. (Таварацян И. А.). Тайна минарета в стихотворении И. А. Бунина // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры: Мат. Всерос. научно-практич. конф. (Тобольск, 29—30 ноября 2007 г.). — Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007. — С. 46—47. (0,3 п. л.)*

8. *Таирова И. А. (Таварацян И. А.). Святая ночь мира и любви как синтез Востока и Запада в поэзии И. А. Бунина // Духовно-нравственный потенциал России: прошлое, настоящее, будущее: Сб. мат. междунар. научно-практич. конф. 19-20 апреля 2007 г. — Армавир: «ИП Шурыгин В. Е.», 2007. — С. 166—170. (0,2 п. л.)*

9. *Таирова И. А. (Таварацян И. А.). Зелёное знамя мира в поэзии И. А. Бунина // Проблемы диалогизма словесного искусства: Сб. мат. Всерос. (с междунар. участием) научно-практич. конф. 18—20 октября 2007 г. — Стерлитамак: Стерлитамак. гос. акад., 2007. — С. 215 — 217. (0,2 п. л.)*

ИИТ

Подп. к печ. 20.05.2010 Объем 1,25 п.л. Заказ № 90 Тир 100 экз.
Типография МПГУ